

УДК 327

DOI: 10.17506/18179568_2025_22_1_104

СТРУКТУРНЫЙ ДИСКУРС-АНАЛИЗ ПОЛИТИКИ ВПЕЧАТЛЕНИЙ НА ПРИМЕРЕ ЦЕРЕМОНИИ ОТКРЫТИЯ ОЛИМПИАДЫ-2024

Ольга Фредовна Русакова,

Институт философии и права
Уральского отделения Российской академии наук,
Екатеринбург, Россия,
rusakova_mail@mail.ru

Получена 26.11.2024.

Поступила после рецензирования 05.02.2025.

Принята к публикации 20.03.2025.

Для цитирования: Русакова О.Ф. Структурный дискурс-анализ политики впечатлений на примере церемонии открытия Олимпиады-2024 // Дискурс-Пи. 2025. Т. 22. № 1. С. 104–119. https://doi.org/10.17506/18179568_2025_22_1_104

Аннотация

Под дискурсом политики впечатлений автор статьи подразумевает систему манипулятивных технологий, нацеленную на управление общественным мнением посредством производства и распространения образов искусственной реальности (постреальности), оказывающих сильное эмоциональное воздействие на сознание публики, заставляя ее уверовать в правдивость данных образов. Автор отмечает, что неотъемлемой частью стратегии политики впечатлений, направленной на управление создаваемой ею постреальностью, выступает дискурс постправды, для которого характерна опора на чувственную область массового сознания, а также широкое использование технологий эмоционального воздействия. В статье также рассматривается взаимосвязь дискурса политики впечатлений с дискурсами постжурналистики и постистории. Выделяются основные структурные компоненты и коммуникативные функции дискурса политики впечатлений, связанные с организацией и проведением

© Русакова О.Ф., 2025

массовых политических шоу (спектаклей). Главной целью исследования является рассмотрение основных структурных компонентов дискурса политики впечатлений на примере дискурс-анализа церемонии открытия Олимпиады-2024. Его предметной областью выступили наиболее впечатляющие эпизоды данной церемонии, вызвавшие неоднозначную реакцию публики на их образные планы и ценностный контекст. Автор отмечает, что курс на развитие ценностей гендерного разнообразия, разделяемый организаторами Олимпиады, в итоге спровоцировал публичные скандалы в ходе проведения женских боксерских поединков. В основу исследования положен метод структурного дискурс-анализа, позволяющий выделить основные компоненты дискурса политики впечатлений и их ключевые коммуникативные функции. В выводах высказывается надежда на глобальные ценностные трансформации, которые могут произойти в современной политике, когда доминирующим международным дискурсом станет дискурс многополярного мира.

Ключевые слова:

политика впечатлений, структурный дискурс-анализ, постреальность, постправда, постжурналистика, постистория, церемония открытия Олимпиады-2024, сценарный замысел, ценностная ориентация, квир-культура, гендерное разнообразие, скандалы в женском боксе

Источники финансирования:

исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (РНФ) № 24-28-01095, <https://rscf.ru/project/24-28-01095/>

UDC 327

DOI: 10.17506/18179568_2025_22_1_104

STRUCTURAL DISCOURSE ANALYSIS OF IMPRESSION MANAGEMENT: A CASE STUDY OF THE 2024 OLYMPIC OPENING CEREMONY

Olga F. Rusakova,

Institute of Philosophy and Law,
Ural Branch of the Russian Academy of Sciences,
Ekaterinburg, Russia,
rusakova_mail@mail.ru

Received 26.11.2024.

Revised 05.02.2025.

Accepted 20.03.2025.

For citation: Rusakova, O.F. (2025). Structural Discourse Analysis of Impression Management: A Case Study of the 2024 Olympic Opening Ceremony. *Discourse-P*, 22(1), 104–119. (In Russ.). https://doi.org/10.17506/18179568_2025_22_1_104

Abstract

This article explores the concept of *impression management*, defined as a system of manipulative technologies which aims at shaping public opinion through creation and dissemination of images that represent an artificial reality or post-reality. These images exert a powerful emotional influence on the public consciousness, compelling individuals to accept their authenticity. The author emphasizes that an integral element of impression management is the discourse of *post-truth*, which relies on the sensory experiences of mass consciousness, and employs various emotional impact technologies. The article further investigates the connections between the discourse of *impression management* and the discourses of *post-journalism* and *post-history*. It highlights the primary socio-communicative functions associated with organizing and conducting mass political performances, which facilitates identifying a number of structural components within this discourse. The main objective of this study is to examine these structural components through a discourse analysis of the opening ceremony of the 2024 Olympic Games. The focus is on particularly striking episodes of this event that elicited mixed public reactions regarding their imaginative concepts and underlying values. The author notes that the organizers promotion of gender diversity values led to public controversies during women's boxing matches. Utilizing structural discourse analysis, this article identifies key components of *impression management* and their key communicative functions. In conclusion, the author expresses hope for transformative global values in contemporary politics, anticipating discourses surrounding the multipolar world will emerge as a dominant international discourse.

Keywords:

impression management, structural discourse analysis, post-reality, post-truth, post-journalism, post-history, 2024 Olympic Games Opening Ceremony, scenario design, value orientation, queer-culture, gender diversity, Olympic boxing gender scandal

Funding:

The research was funded by the Russian Science Foundation (RSF) under grant No. 24-28-01095. For more information, please visit <https://rscf.ru/project/24-28-01095/>

Взаимосвязь понятий «политика впечатлений», «постреальность», «постправда», «постжурналистика» и «постистория»

Понятие «политика впечатлений» вошло в научный оборот сравнительно недавно, однако быстро оказалось в центре внимания специалистов в области информационно-коммуникативных технологий, которые поставили его в один смысловой ряд с такими категориями, как «постреальность», «постправда», «постжурналистика» и «постпамять». Если говорить кратко, то под политикой впечатлений подразумевается система медиатехнологий, призванная управлять общественным мнением посредством сконструированных образов искусственной реальности (постреальности), оказывающих сильное эмоциональное воздействие на сознание публики, заставляя ее уверовать в их правдивость (Дмитриев, Евстафьев, 2024)¹. Иначе говоря, политика впечатлений направлена на закрепление и продолжительную поддержку в сознании публики эмоциональных образов постреальности, достигаемых посредством технологий конструирования постправды.

Понятие постправды получило свое концептуальное освещение в целом ряде работ отечественных и зарубежных авторов (Чугров, 2017; Лукьянова, 2017; Баранов, 2018; Рустамова, Барабаш, 2018; Кошкарова, Руженцева, 2019; Грачев, Евстифеев, 2020; Фулер, 2021; Чумиков, 2024 и др.)². Ряд авторов трактуют постправду как разрушение правды (Грачев, Евстифеев, 2020), иные – как правду желаемого, в которой эмоциональное отношение к факту, событию или процессу превалирует над рациональным отношением (Дмитриев, Евстафьев, 2024, с. 120).

Как политический феномен постправда опирается не на эмпирически доказанный материал, а на желаемую, наиболее благоприятную и регулярно подтверждаемую оценку реальности. В итоге в конкуренции политических акторов, ответственных за формирование той или иной картины мира, побеждает вовсе не тот, кто ближе других оказался к истинному знанию, а тот, кто имеет больше медиаресурсов, чем остальные, чтобы навязать публике собственную интерпретацию фактов и событий.

Происходящий в последнее десятилетие на Западе процесс масштабирования постправды и постреальности приводит к росту настроений враждебности и конфронтационности по отношению к России как у рядовых граждан, так и у представителей политической элиты. Все это обуславливает использование западными институтами дискриминационных практик в отношении когда-то признанных во всем мире достижений русской культуры, советско-российского спорта, к отрицанию мировой значимости военного искусства России и ее боевых побед. Именно широким распространением атмосферы политической постреальности в странах Запада можно в значительной степени объяснить

¹ См. также: Лукьянов, Ф. (2024, 24 августа). Политика впечатлений. Колонка редактора. *Россия в глобальной политике*. 24.08.2024. Взято 11 сентября 2024, с <https://globalaffairs.ru/articles/politika-vpechatlenij/?ysclid=m19etp6mry702940521>

² См. также: Красовская, Н. (2020, 12 февраля). Жизнь в эпоху постправды. *Pravda.ru*. Взято 11 сентября 2024, с https://www.pravda.ru/science/1473851-feik_seti/

происхождение многочисленных обвинений России во вмешательстве в систему выборов в разных государствах, в организации разного рода провокаций и террористических актов. Благодаря созданию ситуации политической постреальности в странах Запада широкое хождение получили следующие мемы: «во всем виновата Россия», «цивилизованный мир против агрессивной России».

В этой связи считаем необходимым дать собственное определение политической постреальности как определенного социокультурного и технологического продукта политики впечатлений. С нашей точки зрения, политическая постреальность – это *искусственно сформированное представление о действительности, сконструированное посредством применения медиатехнологий постправды, рассматриваемых в качестве развернутой системы политических установок и практик, поведенческих и ценностных ориентиров, чувственных и смысловых образов, активно внедряемых в сознание массового потребителя в целях управления его политическими впечатлениями и предпочтениями.*

Следует также отметить, что технологии постправды и постреальности объединяет их общая опора на доминирующую в массовом политическом сознании эмоциональную компоненту, отличную от рационального начала, основанного на логике доказательств и аргументации. Целенаправленное воздействие при помощи применения технологий постправды и постреальности на эмоциональную сферу мировосприятия позволяет сформировать востребованные определенными властными институтами и социальными группами образы «добра» и «зла», создавать искусственные модели национальной, этнической, гендерной и иных форм идентичностей, отличающихся гораздо более высокой степенью убедительности и смысловой значимостью для массовой публики, чем правдивые образы и факты реальной жизни.

Технологии постправды и постреальности оказывают сильное эмоциональное воздействие на ожидания определенных социальных, культурных и политических групп, представляя собой «конкуренцию неполных знаний», оценок, формулировок, функционирующих в медиаполе.

Близкими к понятиям «постправда» и «постреальность» по своей концептуально-смысловой и медиатехнологической оснащенности относятся такие категории, как «постжурналистика» и «постистория». Авторы работ по постжурналистике (Короченский, 2019; Дзялошинский, 2023 и др.) выделяют следующие ее характерные черты: 1) апелляцию к эмоциям аудитории, в результате чего формируются медийные образы и мифы, имеющие мало общего с реальностью, образуется ситуация постправды, поскольку обращение к эмоциям способно оказывать более сильное воздействие, чем ссылка на объективные факты; 2) нацеленность преимущественно на потребление визуальной информации, что усиливает клиповость мышления публики; 3) гедонизацию медиа-контента через гипертрофированное увлечение доли развлекательности в содержании; 4) геймификацию массмедиа, связанную с приоритетом игрового начала над функцией информирования и т. п. В настоящее время постжурналистика активно обслуживает деятельность политических элит по управлению общественным мнением, занимаясь распространением выдуманных образов, мифологизированных идей и фейковых новостей.

В современном мире существует множество фабрик по продвижению продуктов постжурналистики, связанных с распространением фейковых (ложных) новостей, занимающих важное место в организации и проведении информационно-психологической войны. К примеру, созданный на Украине в начале проведения Специальной военной операции (СВО) благотворительный фонд *SafeUA*, занимается проведением информационной войны против России путем создания специального медиа-контента, нацеленного на распространение в странах Евросоюза новостных фейков с целью вызывать у населения Европы устойчивое чувство ненависти к россиянам, оправдывать применение санкций против России, а в отношении россиян – продемонстрировать так называемую правду, которую, якобы, скрывает от них российская пропаганда³. Заметим, что до недавнего времени для либерально настроенных групп россиян в роли авторитетных рупоров правды выступали такие известные медиа-каналы, как «Радио Свободная Европа/Радио Свободы» (медиакорпорация РСЕ/РС) и «Голос Америки»⁴, ставшие главными проводниками борьбы Запада с коммунистической идеологией в эпоху «холодной войны», а после ее окончания выступившие в качестве пропагандистов антироссийских взглядов. Другими словами, данные медиа-источники можно считать подлинным воплощением постжурналистского дискурса. Недавно по указу Президента США Д. Трампа было прекращено их федеральное финансирование в связи с обвинениями в распространении «радикальной пропаганды», в нарушении журналистских стандартов, в коррупции, в контенте, направленном против Республиканской партии и Трампа⁵. В частности, указывалось, что радиостанция «Голос Америки» занималась распространением фейков о вмешательстве России в избирательную кампанию Трампа, а также разжигала скандал вокруг ноутбука Хантера Байдена, чтобы обвинить в обнародовании его контента все ту же Россию⁶.

Введенное в научный оборот несколько лет тому назад понятия «постпамять» (Hirsh, 2012; Русакова, Русаков, 2019) во многом связано с современными трансформациями, происходящими в исторической памяти в ряде стран Европы, которые привели к интенсификации процесса замены прежних авторитетных исторических дискурсов, характерных для биполярной эпохи, на новые, часто противоположные по смыслу и значению. Результатом этих перемен стало появление в современной исследовательской практике концепта и дискурса постпамяти, включающего в свою внутреннюю структуру базовые черты дискурса постправды.

В настоящее время под категорией «постпамять» понимаются сложные процессы запечатления и воспроизводства в общественной памяти и в массовом

³ *SafeUA – главная информация* (2022, 26 февраля). Взято 19 марта 2025, с <https://telega.ph/SafeUa---glavnaya-informaciya-02-26?ysclid=m8df42jgro747401036>

⁴ Признаны Минюстом РФ иноагентами.

⁵ Левин, В. (2025, 16 марта). *Их закрыли – нам не жалко: почему «Голос Америки»* и «Радио Свобода»* вывели из эфира*. Взято 19 марта 2025, с <https://dzen.ru/a/Z9bLT4QnBwVkyFKj?ysclid=m8d98z7u32251420417>

⁶ Дональд Трамп заглушил «Голос Америки». Комментарий Георгия Бовта (2025, 17 марта). Взято 19 марта 2025, с <https://dzen.ru/a/Z9fFtoIHbG7W8ABu?ysclid=m8e31evtiq872629429>

историческом сознании эмоционально-напряженных и травмирующих психику страшных событий прошлого, связанных с непереносимыми страданиями их участников. При этом ситуация переживания саспенса (от англ. *suspense* – неизвестность, неопределенность) достигается посредством использования медийных форм (документального кинематографа, исторических видеофильмов и т. п.), музейных мемориальных экспозиций, посещений культовых мест памяти, участия в коммеморативных практиках и др.

В рамках учения о постпамяти сложилось такое исследовательское направление как *trauma studies* (исследования травмы), где под травмой понимается психологический и физический ущерб, нанесенный оккупационными войсками гражданам разных государств Европы в годы Второй мировой войны. Первоначально речь велась главным образом о травмах Холокоста как следствия политики геноцида, проводимой нацистской Германией в отношении евреев. Однако впоследствии под психологическими и физическими травмами западные исследователи и действующие политики стали понимать ущерб, нанесенный населению Европы в годы так называемой советской оккупации. Другими словами, жители Европы объявлялись жертвами двойной оккупации, а следовательно, и дважды травмированными нацистским и советским политическими режимами.

Закрепление в европейском политическом сознании данной стратегической установки привело к созданию на территории ряда европейских государств музеев советской оккупации, к войнам с памятниками, поставленных в честь советских воинов и полководцев, участвовавших в освобождении Европы от германского нацизма. Эти процессы стали следствием дискурсивной революции, произошедшей в современной Европе после распада советского социалистического блока. В итоге данного переворота памятники освободителям Европы превратились в памятники ее оккупантам, а гитлеровский и советский политические режимы в новой системе ценностей объявлялись в одинаковой степени преступными и стали называться общим термином – «тоталитарные режимы».

Если кратко сформулировать суть дискурса постпамяти, то ее можно обозначить как способ конструирования альтернативной истории посредством применения технологии разделения участников исторических событий на две категории: нацию-преступника и нацию-жертвы.

В итоге в странах ЕС за последние 30 лет сложился новый политический уклад, где доминирующим дискурсом стал дискурс постреальности, содержащий в качестве своего важного компонента дискурс постпамяти. Легитимным закреплением общеевропейского дискурса постреальности и постпамяти стала Резолюция Европейского Парламента «О важности европейской памяти для будущего Европы» от 19 сентября 2019 г., в которой осуждались преступления как нацистского, так и советского тоталитарных режимов, якобы одинаково виновных в развязывании Второй мировой войны, в нанесении непоправимого ущерба народам Европы⁷. В данной Резолюции, в частности, говорилось,

⁷ *European Parliament resolution of 19 September 2019 on the importance of European remembrance for the future of Europe* (2019/2819 (RSP)) (2019, September 19). Retrieved 19 November, 2024, from https://en.wikipedia.org/wiki/European_Parliament_resolution_of_19_September_2019_on_the_importance_of_European_remembrance_for_the_future_of_Europe

что Европарламент «глубоко обеспокоен попытками нынешнего российского руководства исказить исторические факты и обелить преступления, совершенные советским тоталитарным режимом, и считает их опасным компонентом информационной войны, развязанной против демократической Европы, которая направлена на раскол Европы, и поэтому призывает комиссию решительно противодействовать этим усилиям»⁸.

В отмеченном фрагменте выделяются следующие компоненты дискурса постпамяти, сконструированного официальными институтами Европейского Союза, а именно: положение о якобы бесспорном тоталитарном характере советского оккупационного режима, установленного в странах Европы после окончания Второй мировой войны; обвинение современного российского руководства в сознательном искажении исторических фактов в целях оправдания преступлений советского политического режима; обвинение России в развязывании против европейских демократий информационной войны, направленной на раскол Европы.

С критикой данной резолюции выступали многие российские историки, политологи и государственные деятели, включая президента страны В.В. Путина. Вот что он писал относительно смыслового значения вступления Красной Армии на территорию Европы в 1944–1945 гг.: «К середине 1944 года враг был изгнан практически со всей советской территории. Но его нужно было добить до конца в своем логове. И Красная Армия начала освободительную миссию в Европе. Спасла от уничтожения и порабощения, от ужаса Холокоста целые народы. Спасла ценой сотен тысяч жизней советских солдат⁹. Другими словами, главная историческая миссия советских вооруженных сил заключалась не в оккупации Европы, а в ее освобождении и спасении от гитлеровского режима. Цена победы советского народа оказалась несравнимо выше, чем у всех союзниках СССР в этой войне, вместе взятых. СССР потерял каждого седьмого из граждан своей страны, в то время как Великобритания – одного из 127, а США – одного из 320 человек. При этом во время освобождения стран Европы Советский Союз потерял более 1 млн 49 тыс. военнослужащих¹⁰. Такова огромная цена, которую пришлось заплатить Советской Армии за освобождение стран Европы от гитлеровского нацизма.

Структурные компоненты дискурса политики впечатлений

Следует отметить, что дискурс политики впечатлений хотя и строится с учетом доминанты у массовой аудитории чувственных образов над рационально-выводным знанием, тем не менее не обязательно ориентирован исключи-

⁸ Ibid.

⁹ «Российская газета» публикует статью президента РФ Владимира Путина «75 лет Великой Победы: общая ответственность перед историей и будущим» (2020, 19 июня). Взято 19 ноября 2024, с https://www.1tv.ru/news/2020-06-19/387989-rossiyskaya_gazeta_publicuet_statyu_vladimira_putina_75_let_velikoy_pobedy_obschaya_otvetstvennost_pered_istoriei_i_buduschim?ysclid=m8oqacehon415785035

¹⁰ Сколько советских солдат погибло за освобождение Европы от фашизма (2024). Пикабу. Взято 25 декабря 2024, с https://pikabu.ru/story/skolko_sovetskikh_soldat_pogiblo_za_osvobozhdenie_evropy_ot_fashizma_10759080?ysclid=m8puy45dv1301638066

тельно на создание деструктивных иллюзорных образов реальности. Дискурсы политики впечатлений могут преследовать вполне безобидные цели, к примеру: создание благоприятного имиджа тому или иному объекту, персонажу, событию; формирование репутационного капитала для государственного или гражданского института; популяризация и продвижение бизнес-проекта, театрализованного представления или шоу (спектакля).

Важно подчеркнуть, что в структурном плане дискурс политики впечатлений полностью совпадает с дискурсом шоу-политики (Русакова, 2009). Но если основным девизом дискурса шоу-политики выступает тезис «Развлекай и властвуй!», то девизом дискурса впечатлений может стать фраза «Впечатляй и властвуй!». Это в первую очередь означает установление власти агентов коммуникации над общественным мнением потребителей политического спектакля или шоу (Дебор, 2000).

В сфере политики можно встретить самые разнообразные форматы политических шоу или спектаклей, впечатляющих своими визуальными и звуковыми эффектами, символической костюмированностью и слаженностью действий их участников. Таковыми, к примеру, являются съезды и иные публичные акции политических партий в ряде западных стран. К политическим шоу можно отнести разнообразные государственные праздники с их обязательными ритуалами. Отдельным жанром политических шоу выступают организованные массовые гражданские протесты, марши солидарности и т. п.

Структуру дискурса впечатлений, связанную с организацией и проведением массовых политических спектаклей, можно представить в виде ряда параметров или планов, выполняющих определенные функции. К таковым мы относим: 1) интенциональный план; 2) перформативный план; 3) ценностный план; 4) контекстуальный план; 5) психологический план; 5) «осадочный» план (Русакова, 2018, с. 237–240; Русакова, Русаков, 2011, с. 113–169).

Под *интенциональным планом* дискурса политики впечатлений, представленного в форме шоу, нами подразумеваются: 1) сценарные замыслы и стратегии политического шоу, предполагающие разбивку их на конкретные действия и мизансцены; 2) разработка плана ресурсного обеспечения шоу в целом и его отдельных мизансцен; 3) моделирование адресной аудитории и возможных конфликтных ситуаций (Русакова, Русаков, 2011, с. 113–118). Реализация интенционального плана предполагает выполнение следующих социо-коммуникативных функций дискурса политики впечатлений: а) выработка концепции, сценарного плана и продвигаемых спектаклем базовых ценностных ориентиров; б) разработка способов и технологий разворачивания разыгрываемого шоу (event-making); в) разработка способов вовлечения публики в игровое пространство шоу; г) привлечение к участию в событийном спектакле знаменитостей и шоу-звезд; д) разработка технологий и ярких акций, способных очаровать, удивить и даже шокировать публику, вызвать у нее острую ответную реакцию.

Перформативный план дискурса политики впечатлений включает следующие его структурные компоненты, сопровождающие практическое выполнение властно-коммуникативных функций шоу: 1) презентация необычного зачина, содержащего интригу (функция привлечения внимания аудитории); 2) использование ярких, разнообразных и необычных образов, парадоксально соединенных друг с другом

(функция вызывания у публики интереса к театрализованному представлению); 3) использование элементов юмора, сатиры и пародии (функция, направленная на вызов коммуникативной интеракции); 4) выходящее за рамки традиционности исполнительское искусство участников шоу (функция вызова в сознании публики эффекта когнитивного диссонанса и коммуникативного шока).

Ценностный план дискурса политики впечатлений предполагает включение организаторами шоу механизмов внушения публике идеи об огромной значимости для развития современной культуры определенной системы ценностных ориентаций. При этом в качестве основных коммуникаторов и носителей предлагаемой системы ценностей выступают запоминающиеся образы его героев и действующих лиц, взятые в единстве со всем комплексом постановочных средств.

Контекстуальный план дискурса политики впечатлений содержит в качестве своих структурных компонентов контексты следующего характера: пространственно-временной контекст (время и выбранные локации для осуществления сценарных замыслов шоу); природный контекст, связанный с особенностями природной среды, в рамках которой осуществляется реализация сценарного замысла.

Психологический план дискурса политики впечатлений связан с трансляцией эмоционально заряженных сцен и образов разыгрываемого спектакля, что предполагает производство определенного эмоционально-чувственного эффекта в сознании публики.

«Осадочный» план дискурса политики впечатлений включает всю систему откликов по поводу транслируемого шоу, получивших отражение в традиционных и цифровых медиа (Русакова, 2018, с. 239).

В целом, реализация структурно-функциональных компонентов дискурса политики впечатлений предполагает выделение некой суммы черт, характерной для дискурса указанного плана. К ним мы относим: 1) *перформативность* (исполнение под запланированные стратегические компоненты и сценарные планы шоу его основных постановочных элементов); 2) *медиативность* (использование мультимедийных технологий в целях популяризации конкретных форм дискурса впечатлений); 3) *репрезентативность* (демонстрация инновационных и креативных моментов в постановке шоу-спектакля); 4) *интерактивность* (вовлечение публики в театрализованное шоу с выработкой у нее ответной реакции); 5) *манипулятивность* (включение механизмов ненавязчивого управления мнением публики с целью выработки у нее заранее заданных ценностных ориентаций); 6) *развлекательность* (применение развлекающих публику приемов и технологий); 7) *зрелищность* (использование визуально-чувственных манипулятивных приемов); 8) *карнавальность* (участие в шоу костюмированных актеров и одетого в театральные одежды технического персонала); 9) *гедонистичность* (установка на получение публикой удовольствий разного свойства – визуально-акустического, кинетического, когнитивного, потребительского и др.); 10) *звездность* (активное привлечение к участию в мизансценах представителей селебритиз, знаменитостей из разных культурных кругов).

Выделенные нами структурные компоненты и базовые черты дискурса политики впечатлений относятся к любым политическим шоу, в том числе – к спортивным праздникам и представлениям (Bryant et al., 1982; Сергеев и др., 2023).

Рассмотрим далее в контексте проведенного структурного анализа дискурса политики впечатлений церемонию открытия Парижской Олимпиады-2024. Сразу заметим, что все структурные компоненты (планы) дискурса политики впечатлений получили свое достаточно полное отражение в процессе проведения указанной церемонии открытия Парижской Олимпиады: интенциональный план – в ее оригинальных сценарных замыслах; перформативный план – в постановке и презентации разнообразных мизансцен; ценностный план – в пропагандируемой организаторами церемонии системе ценностных ориентаций; контекстуальный – в погружении театрализованных действий в конкретные темпоральные рамки и пространственные локации, а также – в характеристиках природного ландшафта Парижа (достаточно вспомнить об уровне загрязнения Сены, в которой предполагалось проводить заплывы участников спортивных соревнований); психологический план связан с производимыми на публику эмоциональными эффектами; «осадочный» план – с многочисленными откликами и скандалами по поводу увиденного во время данной церемонии.

Дискурс-анализ церемонии открытия Олимпиады-2024

Дискурс-анализ церемонии открытия Олимпиады-2024 предполагает фиксацию внимания прежде всего на ее концептуальных и коммуникативных элементах, а также на конкретных перформансах, связанных с реализацией данного замысла.

Отметим, что общая концепция церемонии открытия была разработана французскими деятелями культуры – режиссером Томасом Джолли (Thomas Jolly) и креативным директором шоу-программ Тьерри Ребулем (Thierry Rebout). Следует также сказать, что над реализацией данной концепции и сценарного плана трудился большой творческий коллектив, состоящий из многочисленных продюсеров, режиссеров, медиа-редакторов, создателей цифровых визуальных эффектов, хореографов, модельеров, музыкантов, художников, актеров, вспомогательного персонала (визажистов, парикмахеров, музейных работников, дизайнеров, рестораторов, инженеров, транспортников и др.).

Согласно концептуальному замыслу, церемония открытия должна была репрезентировать преимущественно инновационную молодежную культуру Франции и выражать собой общий креативный дух представляемых в ходе церемонии тематических блоков и мизансцен. Разработчики церемонии решили отказаться от создания классической и романтизированной версии исторических образов страны, ее главных военно-политических, культурных и спортивных побед и достижений. Своей центральной задачей они сделали процесс конструирования в духе постмодернистской эклектики целой серии образов и мизансцен, говорящих публике о новейших мировоззренческих трендах и современных способах мировосприятия. Руководствуясь указанными установками, создатели сценарного плана церемонии открытия включили в его концептуальную ткань идеи квир-культуры, новой гендерной идентичности, феминистские и транссексуальные мотивы, идеи постхристианства и оккультных верований. В итоге в церемонии презентации возобладали знаково-символические образы квир-культуры, что особенно ярко проявилось в ряде эпизодов, вызвавших у публики

неоднозначную реакцию (стоит заметить, что сам Томас Джолли открыто разделяет ценности квир-культуры и совместно проживает со своим партнером, тоже Томом). Речь идет о на шумевшей мизансцене, представляющей квир-пародию на известное полотно Леонардо да Винчи под названием «Тайная вечеря». Дадим ей краткое описание: перед зрителями предстала группа лиц, изображающая учеников Христа, но состоящая в основном из переодетых в женские одежды мужчин в стиле драг-квин. Среди «учеников Христа» также были бородатая женщина и маленькая девочка, а в роли самого Христа выступала крупная дама, одетая в синее платье с глубоким декольте. На ее голове сиял нимб с лучами, на ушах были большие наушники. На переднем плане в образе греческого бога Диониса выступал почти полностью обнаженный и окрашенный в голубой цвет мужчина (роль Диониса сыграл французский актер и певец Филипп Катерин). Под его пение «ученики Христа» начали двигаться в такт, а в конце шоу изобразили позы, напоминающие поцелуи. Сразу отметим, что представленный микс из постхристианских идей и символики квир-культуры вызвал негативные отклики у ряда известных политических и культурных деятелей в разных странах¹¹.

Другим скандальным эпизодом на церемонии открытия Олимпиады стал зловещий образ одного из всадников, представшего перед публикой одетым в металлические доспехи, который на протяжении 15 минут скачет на железном коне по Сене с Олимпийским флагом на спине. Этот образ напомнил некоторым зрителям одного из всадников Апокалипсиса, восседавшего на «бледном коне», имя которому – Смерть¹². Кроме того, данный эпизод у определенной части современной молодежи ассоциируется с пропагандой культа смерти и тьмы, поскольку отсылает аудиторию к многосерийному японскому аниме «Потомки тьмы». Кстати, один из тематических разделов церемонии открытия так и назывался – «Тьма».

Символом Смерти, но уже выстроенном в контексте революционной истории Франции, стало музыкальное шоу, представленное в форме соединения тяжелого рока с эпатажным образом обезглавленной королевы Франции Марии Антуанетты. В данном эпизоде французская королева под аккомпанемент популярной металл-группы *Gojira* исполняет гимн страны, начиная его словами «Все будет хорошо!». Это фраза была призвана подчеркнуть общий иронический стиль разыгрываемого шоу, цель которого – снижение трагического пафоса всей сцены¹³.

В целом, можно считать, что церемония открытия Олимпиады-2024, рассматриваемая с позиций дискурс-анализа политики впечатлений, вполне достигла своих стратегических целей, а также стала примером полномасштабного

¹¹ Фомина, А., Мясумова, А. (2024, 27 июля). Бородатая женщина, голый мужчина, ребенок: «Тайная вечеря» на открытии Олимпиады вызвала скандал. *Газета.Ru*. Взято 12 августа 2024, с <https://www.gazeta.ru/sport/2024/07/27/19465507.shtml?ysclid=m8syk4vaub512367890>

¹² Маршал, С. (2024, 27 июля). *Олимпиада 2024: Всадник на бледном коне пробежал!* Взято 11 сентября 2024, с <https://author.today/post/529970?ysclid=m1dk47hb10769363449>

¹³ *Обезглавленная Мария-Антуанетта – еще один символ открытия Парижа-2024. Это номер под метал!* (2024, 27 июля). Взято 11 сентября 2024, с <https://dzen.ru/a/ZqUScyMaR2FxxxA5>

воплощения задаваемого концептуального замысла. По данному поводу президент Франции Эмманюэль Макрон с гордостью сказал: «Об этом будут говорить и через 100 лет! Мы сделали это!»¹⁴.

Отметим, что дискурс церемонии открытия Парижской Олимпиады наглядно продемонстрировал истинные политические, культурные и спортивные приоритеты современного руководства Франции, ее элитных кругов, заставив общественность бурно обсуждать предъявленную миру систему ценностей гендерного разнообразия и постхристианства.

К сказанному добавим, что продемонстрированный во время церемонии открытия Олимпиады курс на поощрение гендерного разнообразия вылился в итоге в ряд скандалов, связанных с участием мужчин, идентифицирующих себя в качестве женщин, в боксерских женских поединках. В частности, негативный общественный резонанс вызвала победа «представительницы» Алжира Иман Хелиф в бою с итальянкой Анджелой Карини. Поединок завершился на 46-й секунде после сильнейшего удара, нанесенного итальянке от Иман Хелиф, в результате чего та отказалась продолжать бой¹⁵.

Смеем надеяться, что в скором времени может произойти смена ценностных приоритетов в общемировом спортивном дискурсе. Данную надежду отчасти питают недавно сделанные Президентом США Дональдом Трампом публичные заявления во время его обращения к Конгрессу страны: «...Я подписал указ, по которому официальная политика правительства США заключается в следующем: есть лишь два пола – мужской и женский. А еще я подписал запрет мужчинам соревноваться в женских видах спорта. <...> ...взгляните, что произошло в женском боксе, тяжелой атлетике, легкой атлетике, плавании или велоспорте – где мужчина недавно закончил гонку на длинную дистанцию на пять часов и 14 минут раньше женщин и установил новый рекорд, побив прежний на целых пять часов. Это унижительно для женщин, и это очень плохо для нашей страны. Мы не намерены с этим мириться»¹⁶.

Еще одним лучиком надежды на возможную смену ценностных ориентиров в международной спортивной политике можно считать произошедшую недавно смену руководства МОК (Международного Олимпийского Комитета). Данные перемены трактуются нами как символические знаки грядущих ценностных трансформаций, благодаря которым в недалеком будущем в качестве доминантного мирового дискурса сможет предстать дискурс многополярного мира, опирающийся на принципы суверенитета, равноправия, диалога, свободы, недискриминационности, на традиционные ценности.

¹⁴ Президент Франции Макрон выступил с заявлением после открытия Олимпиады (2024, 27 июля). Взято 12 августа 2024, с <https://www.liveresult.ru/news/Olimpiyskie-igry/232264-Prezident-Frantsii-Makron-vystupil-s-zayavleniem-posle-otkrytiya-Olimpiady>

¹⁵ Боксер-трансгендер победила на Олимпиаде за 46 секунд. Соперница прервала бой и ушла с ринга. Взято 12 августа 2024, с <https://sport.rambler.ru/mma/53191327-bokser-transgender-pobedila-na-olimpiade-za-46-sekund-sopernitsa-prervala-boy-i-ushla-s-ringa/?ysclid=m8syudz935967428455>

¹⁶ Полная стенограмма речи президента Трампа в Конгрессе. Взято 18 марта 2025, с <https://inosmi.ru/20250305/tramp-272082349.html?ysclid=m7x5eewpyg78201859>

Список литературы

1. Баранов, Н. А. (2018). Мягкая сила в условиях постправды. *Социально-политические исследования*, (1), 20–30.
2. Грачев, М.Н., Евстифеев, Р.В. (2020). «Постправда» как проявление «разрушения» правды: новый вектор политико-коммуникационных исследований. В А.Д. Кривоносов (Ред.), *Современные СМИ и медиарынок* (Вып. 2, с. 28–36). Санкт-Петербург: Изд-во СПбГЭУ.
3. Дебор, Г. (2000). *Общество спектакля*. Москва: Логос.
4. Дзялошинский, И.М. (2023). Журналистика, постжурналистика, паражурналистика: кто формирует контент массмедиа. *International Journal of Media and Communications in Central Asia*, (3), 72–100. <https://doi.org/10.62499/ijmcc.vi3.39>
5. Дмитриев, О.А., Евстафьев, Д.Г. (2024). От постправды к постреальности. *Россия в глобальной политике*, 22(4), 110–121. <https://doi.org/10.31278/1810-6439-2024-22-4-110-121>
6. Короченский, А.П. (2019). Постжурналистика: сущность, признаки, социальные эффекты. *Журнал Белорусского государственного университета. Журналистика. Педагогика*, (1), 6–12.
7. Кошкарова, Н.Н., Руженцева, Н.Б. (2019). На пути к правде, ведущем ко лжи: феномен постправды в современной политической коммуникации. *Политическая лингвистика*, (1), 50–56. <https://doi.org/10.26170/pl19-01-05>
8. Лукьянова, Г.В. (2017). Медиатехнологии конструирования постправды. В О.В. Попова (Ред.), *Политика постправды и популизм в современном мире: сб. материалов по итогам Всерос. науч. – практ. конф., 22–23 сент. 2017 г.* (с. 132–133). Санкт-Петербург: Скифия-принт.
9. Русакова, О.Ф. (2009). Шоу-политика: особенности дискурса. *Социум и власть*, (4), 36–39.
10. Русакова, О.Ф. (2018). Политический медиадискурс: опыт структурного анализа. В О.А. Трубина (Ред.), *Взаимодействие языков и культур: материалы Междунар. науч. конф., 28–30 мая 2018 г. (Т. 1, с. 238–240)*. Челябинск: Издат. центр ЮУрГУ.
11. Русакова, О.Ф., Русаков, В.М. (2011). *PR-Дискурс: Теоретико-методологический анализ*. (2-е изд., испр. и доп.) Екатеринбург: УРО РАН: Издат. дом «Дискурс-Пи».
12. Русакова, О.Ф., Русаков, В.М. (2019). Дискурс постправды как медиатехнология политики постпамяти. *Дискурс-Пи*, (2), 10–27. <https://doi.org/10.17506/dipi.2019.35.2.1027>
13. Рустамова, Л.Р., Барабаш, Б.А. (2018). Информационное воздействие в эпоху «постправды» и «фейк-ньюс». *Вопросы политологии*, 8(5), 23–30.
14. Сергеев, С.А., Бондарева, Е.П., Чистякова, Г.В. (2023). Виды и жанры зрелищных представлений спортивного дискурса. *Политическая лингвистика*, (4), 172–183.
15. Фулер, С. (2021). *Постправда. Знание как борьба за власть*. Москва: Издат. дом Высш. шк. экономики.
16. Чугров, С.В. (2017). Post-truth: трансформация политической реальности

или саморазрушение либеральной демократии? *Полис. Политические исследования*, (2), 42–59. <https://doi.org/10.17976/jpps/2017.02.04>

17. Чумиков, А. Н. (2024). Иррациональная взаимосвязь фактов и смыслов в современных медиа. *Коммуникология*, 12(2), 13–24. <https://doi.org/10.21453/2311-3065-2024-12-2-13-24>

18. Bryant, J., Brown, D., Comisky, P. W., & Zillmann, D. (1982). Sports and Spectators: Commentary and Appreciation. *Journal of Communication*, 32(1), 109–119. <https://doi.org/10.1111/j.1460-2466.1982.tb00482.x>

19. Hirsch, M. (2012). *The Generation of Postmemory: Writing and Visual Culture after the Holocaust*. New York: Columbia Univ. Press.

References

1. Baranov, N. A. (2018). Myagkaya sila v usloviyakh postpravdy [Soft power in the conditions of post-truth]. *Sotsial'no-politicheskie issledovaniya*, (1), 20–30.

2. Bryant, J., Brown, D., Comisky, P. W., & Zillmann, D. (1982). Sports and Spectators: Commentary and Appreciation. *Journal of Communication*, 32(1), 109–119. <https://doi.org/10.1111/j.1460-2466.1982.tb00482.x>

3. Chugrov, S. V. (2017). Post-truth: transformatsiya politicheskoy real'nosti ili samorazrushenie liberal'noy demokratii? [Post-truth: transformation of political reality or self-destruction of liberal democracy?]. *Polis. Politicheskie issledovaniya*, (2), 42–59. <https://doi.org/10.17976/jpps/2017.02.04>

4. Chumikov, A. N. (2024). Irratsional'naya vzaimosvyaz' faktov i smyslov v sovremennykh media [The irrational relationship between facts and meanings in modern media]. *Kommunikologiya*, 12(2), 13–24. <https://doi.org/10.21453/2311-3065-2024-12-2-13-24>

5. Debord, G. (2000). *Obshchestvo spektaklya* [The Society of the Spectacle]. Moscow: Logos.

6. Dmitriev, O. A., & Yevstafiev, D. G. (2024). Ot postpravdy k postreal'nosti [From post-truth to post-reality]. *Rossiya v global'noy politike*, 22(4), 110–121. <https://doi.org/10.31278/1810-6439-2024-22-4-110-121>

7. Dzialoshinskii, I. M. (2023). Zhurnalistska, postzhurnalistska, parazhurnalistska: kto formiruet kontent massmedia [Journalism, post-journalism, para-journalism: who forms mass media content]. *International Journal of Media and Communications in Central Asia*, (3), 72–100. <https://doi.org/10.62499/ijmcc.vi3.39>

8. Fuler, S. (2021). *Postpravda. Znanie kak bor'ba za vlast'* [The post-truth. Knowledge as a struggle for power]. Moscow: Izdat. dom Vyssh. shk. ekonomiki.

9. Grachev, M. N., & Evstifeev, R. V. (2020). “Postpravda” kak proyavlenie “razrusheniya” pravdy: novyy vektor politiko-kommunikatsionnykh issledovaniy [“Post-truth” as a manifestation of the “destruction” of truth: a new vector of political and communication research]. In A. D. Krivonosov (Ed.), *Sovremennye SMI i mediarynok* (Iss. 2, pp. 28–36). St. Petersburg: Izd-vo SPbGEU.

10. Hirsch, M. (2012). *The Generation of Postmemory: Writing and Visual Culture after the Holocaust*. New York: Columbia Univ. Press.

11. Korochensky, A. P. (2019). Postzhurnalistska: sushchnost', priznaki,

sotsial'nye efekty [Postjournalism: essence, signs, social effects]. *Zhurnal Belorusskogo gosudarstvennogo universiteta. Zhurnalistika. Pedagogika*, (1), 6–12.

12. Koshkarova, N.N., & Ruzhentseva, N.B. (2019). Na puti k pravde, vedushchem ko lzhi: fenomen postpravdy v sovremennoy politicheskoy kommunikatsii [Forth to truth and back to hoax: post-truth in modern political communication]. *Politicheskaya lingvistika*, (1), 50–56. <https://doi.org/10.26170/pl19-01-05>

13. Lukyanova, G.V. (2017). Mediatekhnologii konstruirovaniya postpravdy [Media technologies for constructing post-truth]. In O.V. Popova (Ed.), *Politika postpravdy i populizm v sovremennom mire: sb. materialov po itogam Vseros. nauch. – prakt. konf., 22–23 sent. 2017 g.* (pp. 132–133). St. Petersburg: Skifiya-print.

14. Rusakova, O.F. (2009). Shou-politika: osobennosti diskursa [Show-politics: features of the discourse]. *Sotsium i vlast'*, (4), 36–39.

15. Rusakova, O.F. (2018). Politicheskii mediadiskurs: opyt strukturnogo analiza [Political media discourse: the experience of structural analysis]. In O.A. Trubina (Ed.), *Vzaimodeystvie yazykov i kul'tur: materialy Mezhdunar. nauch. konf., 28–30 maya 2018 g.* (Vol. 1, pp. 238–240). Chelyabinsk: Izdat. tsentr YuUrGU.

16. Rusakova, O.F., & Rusakov, V.M. (2011). *PR-Diskurs: Teoretiko-metodologicheskii analiz*. [PR-Discourse: Theoretical and methodological analysis (2nd ed., rev., augm.)]. Ekaterinburg: UrO RAN: Izdat. dom “Diskurs-Pi”.

17. Rusakova, O.F., & Rusakov, V.M. (2019). Diskurs postpravdy kak mediatekhnologiya politiki postpamyati [Post-truth discourse as a media technology of the politics of postmemory]. *Diskurs-Pi*, (2), 10–27. <https://doi.org/10.17506/dipi.2019.35.2.1027>

18. Rustamova, L.R., & Barabash, B.A. (2018). Informatsionnoe vozdeystvie v epokhu “postpravdy” i “feyk-n'yus” [Information impact in the era of “post-truth” and “fake news”]. *Voprosy politologii*, 8(5), 23–30.

19. Sergeev, S.A., Bondareva, E.P., & Chistyakova, G.V. (2023). Vidy i zhanry zrelishchnykh predstavleniy sportivnogo diskursa [Types and genres of spectacular performances of sports discourse]. *Politicheskaya lingvistika*, (4), 172–183.

Информация об авторе

Ольга Фредовна Русакова, Заслуженный деятель науки РФ, доктор политических наук, профессор, заведующая отделом философии Института философии и права УрО РАН, Екатеринбург, Россия, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6920-2549>, e-mail: rusakova_mail@mail.ru

Information about the author

Olga Fredovna Rusakova, Honored Scientist of the Russian Federation, Doctor of Political Sciences, Professor, Head of the Philosophy Department, Institute of Philosophy and Law, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Ekaterinburg, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6920-2549>, e-mail: rusakova_mail@mail.ru
